

Глава 3

Семья Цзи Ляня из поколения в поколение верой и правдой служила императорскому двору. Его старшие братья и сестра выросли выдающимися людьми: один трудился в престижном научно-исследовательском институте, другой ушел в армию и всего за три года дослужился до звания генерала, а сестра прослыла редким медицинским гением, рождающимся раз в столетие. И только Цзи Лянь влачил жалкое существование на самом дне этой семейной иерархии.

С самого рождения и до шестнадцати лет на фоне блестящих успехов братьев и сестры он казался полным ничтожеством. Даже превосходная успеваемость в школе и постоянное пребывание в десятке лучших учеников класса не выдерживали никакого сравнения с триумфами его родственников, ежегодно собиравших все мыслимые стипендии и награды.

В больших кланах родственные узы ценятся меньше всего. Члены семьи Цзи отличались редкостным хладнокровием, и с раннего детства мальчик то и дело слышал от родни жестокое напутствие:

«Если не сумеешь подняться на вершину, тебе просто перережут трос, и ты полетишь в бездну»

Служба императорскому дому требовала предельной бдительности, ведь за спиной всегда стояли легионы соперников, готовых в любой миг занять твоё место. Проявление мягкотелости каралось мгновенным забвением, а потому любые разговоры о кровной привязанности в этом доме неизменно поднимались на смех.

До шестнадцати лет Цзи Лянь еще питал глупую, наивную надежду заслужить крупицу семейного тепла. Он тенью следовал за родителями, братьями и сестрой, отчаянно вымаливая хотя бы мимолетный взгляд, хотя бы секундную остановку.

Когда нагрянул конец света, Цзи Лянь своими глазами видел, как его старший брат-генерал вытащил из-под обломков сестру и второго брата. Он даже не взглянул в сторону Цзи Ляня, погребенного под руинами, и ушел прочь, ни разу не обернувшись. В тот миг, когда последняя искра надежды угасла, родители поставили его на чашу весов против куда более перспективного приемного племянника из боковой ветви клана. Они выбрали приемыша, окончательно похоронив в душе Цзи Ляня веру в кровные узы.

Все были уверены, что Цзи Лянь погибнет в этой катастрофе, поэтому бросили его без малейших колебаний.

Даже если бы его спасли, этот слабак все равно не протянул бы долго. Для них он был лишь обузой.

Цзи Лянь закрыл глаза, покорно ожидая смерти. Когда он снова очнулся, время потеряло счет.

По ощущениям, он проспал целую вечность, пропустив смену всех четырех сезонов. Пока он находился в беспамятстве, кто-то перенес его в просторную скальную пещеру. И спас его вовсе не человек, а гигантский мутировавший золотой хомяк.

За то время, что он спал, мир перевернулся с ног на голову. Прежняя пищевая цепочка рухнула, виды мутировали, и некогда безобидные пушистые грызуны превратились в опасных хищников, занявших верхние ступени нового порядка. Этот удивительный зверь наткнулся на распростертого среди руин Цзи Ляня, когда искал пропитание. Странно, но хомяк не тронул его, а бережно перетащил в свое логово и начал преданно выхаживать.

Благодаря заботе мохнатого спасителя силы постепенно вернулись к Цзи Ляню. В те суровые времена многие выжившие обрели уникальные способности, но у Цзи Ляня тело лишь окрепло — в остальном он остался прежним бесполезным слабаком.

Очнувшись, он прожил в пещере еще какое-то время. Хомяк ежедневно уходил на охоту и возвращался с добычей.

Цзи Лянь окончательно смирился со своим незавидным положением и с благодарностью принимал заботу существа, которое превосходило его размерами вдвое.

Зверь относился к Цзи Ляню как к собственному детенышу. Сам же Цзи Лянь больше не стремился к иллюзорной родительской любви, а потому решил считать хомяка своим преданным другом. За два белых пятнышка над глазами он ласково назвал его Дяньдянем.

В той пещере они жили душа в душу. Хомяк приносил ему одежду и одеяла, а по ночам укладывал его на свой мягкий, пушистый живот. Он обожал засыпать, обняв Цзи Ляня своими лапками. Поначалу Цзи Лянь упрямо сопротивлялся, но со временем привык и полюбил эти минуты покоя. Позже, когда Дяньдянь бесследно исчез, Цзи Ляня охватила жестокая бессонница. Он не мог сомкнуть глаз неделями, доводя себя до полного изнеможения.

В безумном вихре эволюции хомяки не могли вечно оставаться на вершине пищевой цепочки. Цзи Лянь понимал: скорее всего, он больше никогда не увидит своего пушистого друга.

После исчезновения Дяньдяня Цзи Лянь прожил в одиночестве еще полтора года.

И вот, умерев в том безжалостном мире, он очнулся здесь и снова обрел утраченного друга. Этот маленький мальчик, Хэ Шэн, был таким же кротким и тихим, как его хомяк Дяньдянь. В его объятиях было так же тепло и уютно. Цзи Лянь с облегчением вздохнул и, засыпая, сквозь сон прошептал дорогое имя, которое так долго хранил в сердце.

Едва заметные лучи утреннего солнца пробивались сквозь морозную мглу. В холодный зимний

день неутомимые птицы, не улетевшие на юг, весело щебетали за окном. Цзи Лянь проспал два долгих, блаженных дня, и его измученное тело наконец восстановилось. Проснувшись, он больше не почувствовал ни резких спазмов в желудке, ни малейшего недомогания.

Двойной глубокий сон все еще казался ему сновидением, не давая до конца поверить в реальность перерождения. Он задумчиво разглядывал белоснежный потолок, пытаясь удержать в памяти ускользающие образы ночного кошмара. Он уже очень давно не видел во сне своего хомяка.

Когда щемящая тоска по другу грозила целиком захлестнуть его, тихий шорох у кровати прервал эти мысли.

Цзи Лянь повернул голову. Прямо перед ним возникло то самое детское личико, о котором он только что думал.

Кровать была низкой, и Хэ Шэну не приходилось вставать на цыпочки, чтобы заглянуть на матрас. Он заворожено наблюдал за спящим Цзи Лянем и опомнился лишь тогда, когда Цзи Лянь шевельнулся.

— Ой... — Хэ Шэн испуганно присел, спрятавшись за спинкой кровати так, что видны были только испуганные, настороженные глазенки — точно такие же, как вчера.

Цзи Лянь облизал пересохшие губы.

Вчера, когда его мучили дикие спазмы в желудке, он все же уловил эти робкие, несмелые попытки малыша приблизиться к тому, кто прежде так жестоко с ним обращался.

Перенеся долгие месяцы психологического давления со стороны Сунь Ланьшу, Хэ Шэн так и не научился давать отпор. А после — терпел придирки прежнего Цзи Ляня больше месяца. Но детское сердце не знало, что такое злопамятность. Стоило проявить к нему хоть каплю тепла, как он тут же забывал все прежние обиды.

Цзи Лянь помнил сюжет романа. Когда истинное лицо отчима наконец откроется, опомнившийся Хэ Минчэнь заберет мальчика к себе и окружит искренней заботой. Поскольку малыш был слишком мал, чтобы долго помнить зло, его характер не ожесточится. Он останется все таким же чистым и добрым, а пережив короткую невзгоду в раннем детстве, в будущем пойдет по жизни легко и безмятежно, став самым счастливым персонажем этой истории.

Но это случится потом, а сейчас Хэ Шэн напоминал преданного щенка. Как бы плохо с ним ни обращались, стоило хозяину ласково позвать, и он бежал навстречу с безграничным восторгом. Именно это чувство вызывал у Цзи Ляня этот ребенок.

Чистый, светлый внутренний мир мальчика еще не был разрушен. Цзи Лянь знал, что этого и не произойдет, но сердце все равно сжималось от щемящей жалости к нему. Этот ребенок был слишком похож на него самого в прошлом.

Смертельно одинокий, отчаянно жаждущий родительской любви.

Когда-то Цзи Лянь был точно таким же: стоило близким подарить ему мимолетную улыбку или ласковый взгляд, как он без тени сомнений прощал им любую боль.

И даже там, под ледяными обломками, он до последнего ждал, что они вернутся. Но в их глазах, когда они оглянулись на него в последний раз, читалась лишь холодная решимость и едва заметная жалость — безмолвное прощание, подтверждающее жестокий закон: естественный отбор суров, и слабым в этом мире не место.

Хэ Шэн сидел на полу, испуганно перебирая пальчиками, и со страхом посматривал на молчаливого Цзи Ляня.

Пока Цзи Лянь внимательно изучал его, малыш тоже не сводил с него глаз.

У любимого музыкального игрушечного хомяка Хэ Шэна на спине была кнопка: нажмешь — и он поет чудесные детские песенки.

Сяо-ба казался ему очень похожим на этого музыкального игрушечного хомяка — у него тоже словно имелся тайный переключатель. Малыш быстро понял, что этим переключателем был сон. Никогда нельзя было угадать, какой именно Сяо-ба проснется на этот раз: обозленный на весь мир, тихий и ласковый или совершенно равнодушный.

Вчера Цзи Лянь впервые за все три месяца их совместной жизни обнял его и не отпускал до самого утра. Его объятия были такими теплыми, он нежно гладил Хэ Шэна по голове и ласково шептал его имя.

Малыш всегда с завистью смотрел на других детей, которых родители нежно баюкали перед сном. Сколько он себя помнил, его никто так не убаюкивал: ни Хэ Минчэнь, ни няня, ни вечно недовольные родственники. Только Сяо-ба проявил к нему эту неожиданную нежность.

И если бы это было в его силах, он бы очень хотел, чтобы Сяо-ба всегда оставался таким, как вчера.

— Я... я приготовил завтрак, Сяо-ба, — робко пролепетал он. Детский, нежный голосок звучал на удивление отчетливо, хотя слова давались ему с трудом.

Прежде Хэ Шэн говорил очень невнятно, путая звуки. Но после того как Цзи Лянь несколько раз сурово отчитал его за это, малыш стал изо всех сил следить за своим произношением.

Говорить он стал чище, но очень медленно. К счастью, сегодня Цзи Лянь не злился на его неторопливость, иначе он совсем бы растерялся.

Мальчик затрепетал своими темными, похожими на спелый виноград глазенками, глядя на Цзи Ляня со смесью страха и робкой надежды. Эта трогательная беззащитность заставила дрогнуть самое черствое место в душе Цзи Ляня.

До встречи с Дяньдянем Цзи Лянь считал глупой сентиментальностью желание «помочь другому укрыться от дождя, потому что сам когда-то промок до нитки». Но тепло, которым его согрел пушистый друг, не позволило его сердцу очерстветь.

Ему хотелось подарить этому несчастному, брошенному ребенку хоть немного тепла — ради того, чтобы залечить собственные душевные раны, и ради их общего мирного будущего.

Если верить сюжету, продолжай он измываться над малюткой, его ждал бы скорый и неизбежный финал.

В этом мире не было ни страшных бедствий, ни изнуряющего голода. Он не собирался глупо растрачивать эту подаренную судьбой вторую жизнь.

Цзи Лянь приподнялся на постели и молча кивнул. Этот простой жест заставил глазенки Хэ Шэна радостно заблестеть, и на душе у Цзи Ляня стало еще теплее.

Хэ Шэн поспешно потянулся к стакану с молоком, стоявшему на тумбочке. С момента подогрева прошло совсем немного времени, а теплая комната не дала напитку остыть. Слишком горячее стекло мгновенно обожгло нежные детские пальчики. Малыш вскрикнул, стакан выскользнул из его рук, и молоко широким белым пятном расплылось по простыне.

Хэ Шэн застыл в оцепенении, испуганно глядя на промокшую постель. В его глазах мгновенно вспыхнули слезы, но не успели они скатиться по щекам, как Цзи Лянь бережно стер их ладонью.

— Я... я нечаянно, Сяо-ба, я... — лепетал испуганный малыш.

— Больно? — мягко прервал его Цзи Лянь.

Он взял ручку Хэ Шэна: крошечная ладошка уже успела сильно покраснеть. Мальчику было всего три с половиной года — как он только терпел эту жгучую боль и не плакал?

Хэ Шэн до белизны закусил нижнюю губку, не решаясь сказать правду.

«Если я скажу, что больно, вдруг Сяо-ба сочтет меня обузой?»

Цзи Лянь спустился с кровати, присел перед ним на корточки и, бережно сжав его ладошку в своих руках, легонько подул на нее.

— Если больно, не молчи, — тихо произнес он.

Реснички мальчика слиплись от слез, которые теперь беспрепятственно катились по пухлым щекам. Напряжение и обида наконец хлынули наружу, и он перестал сдерживаться.

— Малыш, если ты будешь молчать, я не смогу узнать, как сильно тебе больно, — ласково проговорил Цзи Лянь. — Ты должен говорить мне обо всем, хорошо? Только так я пойму, как тебе помочь.

— Больно... — всхлипнул Хэ Шэн.

С этим тихим словом плотина рухнула: слезы покатались в три ручья, а плечики затряслись от беззвучных рыданий. Он понуро опустил голову и всем телом потянулся к отцу, инстинктивно ища защиты, но в последний момент замер, все еще не решаясь обнять его.

Цзи Лянь уверенно подхватил мальчика на руки. Силы вернулись к нему, и теперь держать легкое детское тельце было совсем не трудно.

Хэ Шэн уткнулся носом в его плечо. Сквозь плотную ткань пижамы он не чувствовал прямого тепла, но всем своим существом ощущал: этот человек — его самое надежное и безопасное укрытие.

Хэ Шэн стоял на маленькой деревянной скамеечке у раковины. Холодная вода послушно омывала его пострадавшую руку, но взгляд мальчика был намертво прикован к Цзи Ляню. Он ловил каждое его движение, боясь упустить из виду.

Цзи Лянь тем временем обыскивал кухню. Обнаружив в недрах морозилки несколько кубиков льда, он завернул их в чистое полотенце. Подойдя к раковине, он выключил воду, взял ладошку Хэ Шэна и аккуратно прижал к ней холодный сверток. Малыш невольно вздрогнул.

— Слишком холодно? — спросил Цзи Лянь.

Личико Хэ Шэна мгновенно залил густой румянец, и он отчаянно замотал головой.

— Говори правду, — Цзи Лянь мягко заглянул ему в глаза, не допуская возражений.

Малыш послушно кивнул.

Цзи Лянь задумчиво нахмурился. Сам он давно привык терпеть любую боль, не подавая виду, но как вести себя с этим хрупким, беззащитным созданием? Он искренне хотел, чтобы Хэ Шэн перестал его бояться и доверился ему, но когда ребенок наконец согласился открыться, Цзи Лянь растерялся, не зная, что делать дальше.

— Я... я... — прошептал Хэ Шэн.

Заметив замешательство Цзи Ляня, он уже хотел забрать свои слова обратно, но Цзи Лянь вдруг перехватил его руку и прижал ледяную ладошку к своей щеке.

Холод от льда не мог мгновенно уйти, но это неожиданное, нежное прикосновение заставило щечки Хэ Шэна вспыхнуть еще ярче.

— Ну как, малыш? Так лучше?

Это был самый простой и бесхитростный способ согреть его, который пришел Цзи Ляню в голову. Он понятия не имел, поможет ли это унять холод, но ничего другого придумать не успел.

Хэ Шэн моргнул влажными ресницами и тихонько кивнул.

Цзи Лянь еще ненадолго приложил лед к его руке, а затем снова согрел остывшие пальчики о свою вторую щеку. Ожог оказался пустяковым, и вскоре краснота почти полностью сошла.

— Так что ты хотел сказать?

Хэ Шэн набрался смелости и едва слышно прошептал:

— Мне... мне все еще немножко больно...

Его личико пылало, а пушистая челка падала на лоб, скрывая глаза, поэтому Цзи Лянь не заметил, как лукаво заблестели детские глазенки.

«Я соврал... Но если скажу, что больно, Сяо-ба пожалеет меня и назовет малышом. Наверное, от одной маленькой лжи ничего не случится? Я потом обязательно сделаю много-много хороших дел, чтобы все исправить. Я буду самым послушным ребенком на свете!»